

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, вып. 3. Под ред. проф. М. И. Артамонова. М.—Л., Изд. Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, АН СССР, 1941, 324 стр., Тираж 15 000 экз., Цена 30 руб.

Советские кавказоведы неожиданно получили прекрасный подарок. Третий выпуск серии материалов по археологии СССР, издаваемой ИИМК АН СССР, посвященный новым археологическим памятникам Северного Кавказа, напечатанный в самый канун Великой Отечественной войны, считался погибшим во время блокады Ленинграда. Неожиданно в начале 1947 г. весь тираж был обнаружен, и теперь сборник стал достоянием историков, изучающих прошлое нашего юга.

Он был подготовлен к печати спаянным коллективом участников Северо-Кавказской экспедиции, талантливыми молодыми работниками Академии Наук, пятеро из которых (Б. Е. Деген-Ковалевский, Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, А. В. Мачинский и Г. В. Подгаецкий) в период Великой Отечественной войны пали смертью храбрых на поле брани или погибли в блокированном немцами Ленинграде.

Всем коллективом сотрудников ИИМК АН и кругами кавказоведов рецензируемый сборник воспринимается и как ценный труд о новых исторических источниках Кавказа и как овестьленная память о рано ушедших от нас товарищах, молодых, подававших большие надежды ученых.

В основном этот труд построен на обстоятельном изучении многочисленных и важных по своему научному значению археологических коллекций Нальчикского музея и памятников Кабарды, исследованных Северо-Кавказской экспедицией б. ГАИМК за период с 1924 по 1933 г. под руководством проф. А. А. Миллера.

Сборник состоит из шести отдельных, не равных ни по своему характеру, ни по объему работ. Некоторые из них написаны в содружестве двух и даже трех авторов.

Первая статья А. А. Иессена («Археологические памятники Кабарды») носит явно очерковый характер. Очерк начинается с краткой характеристики истории археологического изучения Кабарды и в основном посвящен историческому определению уже накопившегося материала с отнесением его к определенным хронологическим периодам («стадиям» по автору). Очерк очень обстоятельный. Рассмотрение всего материала дается с привлечением сравнительного материала из других районов и областей, с использованием возможных исторических свидетельств и фактов.

Особенно интересны сравнительные таблицы (табл. I на стр. 16 и табл. II на стр. 28), составленные автором. Одна показывает хронологическое соотношение памятников Кабарды с памятниками других территорий, другая иллюстрирует размещение монетных находок эпохи раннего средневековья в центральной части Северного Кавказа.

Таблица I особенно ценна еще и тем, что составляющими ее компонентами являются не только ранние материалы—энеолита и эпохи бронзы, но и памятники III стадии и так называемого «скифского периода» истории развития северокавказских обществ, не освещаемые последующими статьями сборника.

Ценность же всего очерка заключается главным образом в том, что он дает рабочую шкалу развития материальной культуры республики с древнейших времен до эпохи позднего средневековья.

Весь археологический материал автор делит на три основные стадии, к которым присоединяются «скифский», «сарматский», «аланский» периоды, до II тысячелетия н. э. Сделано это с учетом уровня хозяйства и техники производства, меновых связей и общественных отношений, особенно при освещении поздних эпох.

С особой четкостью освещена 2-я стадия, обнимающая период «от конца III до конца II тысячелетия до н. э.» (стр. 19). Здесь намечены и более точные хронологические подразделения местных памятников.

А. А. Иессен уверенно говорит о местном производстве бронзовых орудий и резонно допускает возможность добычи металла и на территории республики. По автору, эту

стадию следует рассматривать как переходную от материнского рода к патриархальной организации, с заметными признаками оформления последней. Окончательное же оформление патриархального рода происходит, по автору, на следующем этапе. Не с такой полнотой освещена 3-я стадия, представленная памятниками так называемой кобанской культуры I тысячелетия до н. э. В этом разделе автор проявляет чрезмерный скептицизм, отказавшись от более подробной характеристики всех особенностей этой стадии. Вещественных источников для освещения этой эпохи в республике не меньше, чем осталось от других эпох. А обилие изученного материала кобанской культуры соседних районов позволяет дать более полную хозяйственную, социальную и общекультурную характеристику этой стадии. Вспомним, что самим же А. А. Иессеном в его прекрасной работе «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе» убедительно был решен сложный вопрос о местном металлургическом производстве на Северном Кавказе, характерном именно для этой стадии¹. Ведь эта эпоха, действительно, является одной из наиболее ярких страниц древней истории всего Центрального Кавказа, в том числе и Кабарды, и проявленная автором осторожность в общей оценке 3-й стадии ничем не оправдана.

Нельзя согласиться с автором и в том, что работ по изучению памятников 3-й стадии «за последние годы на Северном Кавказе вообще не проводилось» (стр. 20). Они известны автору.

Особого внимания заслуживает выделение «скифского» периода.

Этот период характеризуется не только освоением производства железа, из которого начинают изготовлять основную массу оружия, но и материальным переобразованием местного общества с участием многих элементов уже скифской культуры (VII—IV вв. до н. э.). Приведенный автором материал из Кабарды делает особенно осязательным удельный вес скифской материальной культуры в дальнейшем развитии местных древностей (Каменноостровский могильник и коллекции Нальчикского музея).

Более подробное освещение получает период раннего средневековья, названный в очерке «аланским». А. А. Иессен справедливо считает, что именно в этот период «население страны именовалось аланами» (стр. 23). Изучение раннего средневековья Северного Кавказа, и в частности Кабарды, в значительной мере облегчено двумя обстоятельствами. Во-первых, эта эпоха здесь наиболее полно представлена материальными памятниками, давно уже привлечшими внимание исследователей, во-вторых, ее изучение прочнее связывается уже с письменными историческими свидетельствами и даже данными лингвистики.

Особенно интересны данные о характере группировки поселений и городищ этого времени и об их топографическом размещении по выходам из ущелий на плоскость. Не без оснований А. А. Иессен говорит о принадлежности всех этих оборонительных сооружений к одной военной и племенной организации и об экономическом и этническом единстве населения данных районов.

Вполне справедливо этот «аланский» период назван «временем первоначального оформления классового общества в центральном Предкавказье» (стр. 23).

Рассматриваемый раздел содержит важный для местной истории вывод о довольно раннем появлении христианства в аланской среде. Вывод этот служит наглядным примером того, как археологический материал может корректировать данные истории.

В обзоре памятников II тысячелетия н. э. затрагивается ряд весьма интересных и важных для местной истории вопросов: выяснение причин исчезновения аланских Городищ и богатых могильников с X—XI вв., судьбы христианства на Северном Кавказе и др.; существенно важной проблемой является необходимость установления по археологическим комплексам типических черт, присущих только адыго-кабардинскому этническому массиву.

Только тщательным изучением бытовых памятников и могильных комплексов XI—XV вв. и можно решить вопрос—имеем ли мы в это время на данной территории

¹ А. А. Иессен, Указ. работа, ИГАИМК, вып. 120 (1935), стр. 137, 188.

постепенную смену населения или переоформление местных аланских групп на иной хозяйственной основе (полукочевом скотоводстве). В успешном разрешении этого вопроса А. А. Иессен, совершенно правильно усматривает и предпосылки для решения одной из актуальнейших проблем кавказоведения—генезиса адыго-черкесо-кабардинской народности.

Очерк А. А. Иессена заканчивается типологией надземных архитектурных сооружений нагорной полосы республики XVI—XVIII вв. (боевые башни и склепы) и описанием позднехристианских памятников с греческими письменами.

К тексту приложен список археологической литературы.

Редакция сборника правильно поступила, предпослав узкоспециальным археологическим статьям сборника столь интересный, обстоятельный очерк А. А. Иессена.

Первой из статей сборника источниковедческого характера является статья Е. Ю. Кричевского и А. П. Круглова «Неолитическое поселение близ г. Нальчика». Она посвящена Агубековскому поселению. Небольшие, разведочного характера, раскопки на поселении дали исключительный по своей научной ценности материал. С культурного слоя глубиной около 0,5 м получено множество кремневых и обсидиановых орудий (топоры, долота, скребки, проколки, наконечники стрел), фрагменты примитивной глиняной посуды, песты и терочки.

Особенно интересными находками оказались: фрагмент глиняной статуэтки и половинка каменной булавы, встречающие себе аналогии в неолитических комплексах нашей страны.

Техника обработки каменных орудий и весь облик найденных предметов—неолитический. На Северном Кавказе подобный объект открыт впервые. Таким образом Агубековское поселение является наиболее древним бытовым памятником Северного Кавказа, не считая Ильской стоянки и Сочинских пещер. Агубековское поселение—выдающийся памятник 1-й стадии истории Северного Кавказа.

Авторы раскопок пришли к выводу о местном происхождении обсидиана, из которого были сделаны орудия. Это заключение имеет принципиально важное значение, так как исправляет укоренившееся в литературе заблуждение о закавказском происхождении обсидиана, находимого к северу от Кавказского хребта.

Коллективный труд А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского и Г. В. Подгаецкого «Могильник в г. Нальчике» представляет собою монографическое исследование замечательного памятника Северного Кавказа энеолитической эпохи.

Случайные раскопки кургана, находившегося в черте города, привлекли внимание местного краеведа энтузиаста М. И. Ермоленко и послужили поводом для исследования кургана в 1929—1930 гг. Северокавказской экспедицией ГАИМК.

Судя по всей документации и иллюстративному материалу, раскопки этого сложного объекта были проведены на высоком уровне. Всего в кургане было вскрыто 121 погребение весьма архаичного типа. Все костяки лежали скорченно на правом или левом боку, с произвольной ориентировкой. Только 12 погребенных имели иное положение. Две трети погребенных сохранили следы окраски мумией. Богатый могильный инвентарь составляли: изделия из кремня и обсидиана (нуклеусы, пластины с ретушью, скребки, проколки, стрелы и каменная булава), прекрасные браслеты из мергеля, многочисленные украшения из кости (поделки из рога—клыки, кольца, просверленные зубы животных), подвески из раковин, бусы—пастовые и каменные и обломки грубых глиняных сосудов.

Крупный интерес представляет каменная статуэтка человека из мергеля. Грубая моделировка фигурки весьма характерна для пластики неолитической и энеолитической эпох. Только в одном погребении (№ 86) было встречено единственное медное проволочное колечко. Эта находка способствовала датировке памятника.

Скруплезно проведенный анализ всего материала и сравнение его с широким кругом памятников нашего юго-востока (Прикубанье, Украина, Поволжье, Закавказье) позволили авторам верно определить степень общественно-экономического развития населения, представленного Нальчикским курганом, и довольно точно уста-

новить и время сооружения кургана. Это—2-я половина III тысячелетия до н. э. (стр. 127).

Заслугой авторов работы следует считать определение места Нальчикского кургана в системе местных древностей и установление его отношения к таким памятникам, как Мариупольский могильник и другим. Нальчикский курган несколько моложе Мариупольского могильника. Применительно же к местным памятникам он занимает промежуточное положение между Агубековским и Долинским поселениями.

Обстоятельнейшей публикацией всех материалов Нальчикского кургана вводится в научный обиход памятник, представляющий чрезвычайный интерес для истории древнего Кавказа и всей степной полосы СССР. В этом заслуга авторской тройки.

Текст работы сопровождается 64 рисунками и 13 таблицами. В приложении дан перечень всего могильного инвентаря.

Не менее интересной является работа А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого «Долинское поселение у г. Нальчика». Эта монография посвящена историческому освещению нового памятника, представляющего 2-ю стадию северокавказской истории. А то обстоятельство, что этот памятник бытовой, а не погребальный, во много раз увеличивает его научную значимость.

Поселение расположено в 4 км от г. Нальчика, на самой верхней террасе р. Нальчика. Сейчас это территория курортного городка «Долинское». Раскопки этого поселения дали материал, исключительно важный и для понимания хозяйственной деятельности древнейших насельников Северного Кавказа и для установления соотношения между широко известными погребальными комплексами края.

Многочисленные кремневые орудия (наконечники стрел, долота, резцы, ножи, скребки) изготовлялись на месте. На это указывают находки нуклеусов и осколков. Интересны стрелы асимметричной формы. Они типичны только для памятников Северного Кавказа эпохи бронзы.

Найденные в больших количествах каменные зернотерки, песты, терочки, мотыги и кремневые вкладыши для серпов свидетельствуют о первобытно-мотыжном земледелии. А находками костей животных доказываются наличие прирученного крупного рогатого скота на Северном Кавказе уже в эту эпоху. Еще более значительным достижением экспедиции явилось обнаружение следов жилищ древних обитателей Долинского поселка. Жилища имели вид плетеных домов, обмазанных глиной с обеих сторон (так называемых «турлучных»), что наглядно показывает, какую глубокую давность имеет местная строительная техника современных нам легких горских саклей и жилищ кубанских и терских казаков.

В культурном слое были найдены глиняные, так называемые «рогатые кирпичи». Связь последних с очагами несомненна. Они относятся к наиболее интересным находкам, функциональное назначение которых, как глиняных очажных подставок, подтверждается старыми раскопками (Старшее Каширское городище) и исследованиями нашего времени (Мовдокский и Нестеровский могильники). Находки глиняных подставок на могильниках примиряют две точки зрения на эти подставки. Одновременно они могли иметь и «культурную значимость», как предполагал В. А. Городцов¹, и должны связываться с «инвентарем жилых комплексов», как думали авторы (стр. 173).

Исключительно важными для датировки памятника оказались керамические находки. Количественно они преобладали над всеми другими находками. Плоскдонные сосуды ручной лепки были нескольких типов. Ни на одном фрагменте не было замечено шнурового орнамента. Для данного района это служит достаточно точным хронологическим показателем, указывающим на сравнительно позднюю дату.

Решающую роль в хронологическом определении материала с Долинского поселения сыграли стратиграфические данные. Сравнительный же анализ находок помог окончательно уточнить дату памятника.

¹ В. А. Городцов, Старшее каширское городище, ИГАИМК, вып. 85 (1934), стр. 14—15, рис. IV, 13.

Значение Долинского поселения для местной истории велико.

Долинское поселение является связующим звеном между стадияльно однородными, но в пределах одной стадии разновременными памятниками, какими, собственно, и являются, с одной стороны, Майкопский курган, с другой—долменные гробницы Новосвободной. Первый большинством исследователей датируется рубежом III—II тысячелетий до н. э., вторые—последующим периодом. Этому значению памятника авторы не подчеркнули.

Статья А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, посвященная обстоятельной публикации всех материалов с поселения, богато снабжена рисунками и таблицами.

Вместе с тем статья вызывает несколько замечаний частного характера. 1) Текст слишком растянут; особенно многословны авторы в описательной части (например, стр. 150, 158, 160 и др. 2). Излишними кажутся подробнейшие планы и разрезы обнаруженных на поселении ям. Скрупулезность полевых методов исследования они, конечно, доказывают, но не обеспечивают удобочитаемости чертежей, да и слишком много однообразных чертежей дано в работе. 3) Приложенный общий план раскопок Долинского поселения не связан с населенным пунктом (рис. 2). 4) Нет четких чертежей иллюстрирующих стратиграфию памятника, нет профилей раскопов. Приложенные же два обреза раскопов (рис. 13 и 16) очень невразумительны и усвоение их сопряжено с рядом неудобств.

Крупнейшей статьей сборника является работа Б. Е. Дегена «Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика», почему-то всюду в тексте именуемая археологическим «отчетом». Но исследованные автором в 1929—30 гг. курганы послужили ему лишь поводом для освещения более широкой темы. По существу это монография, посвященная памятникам центральной полосы Северного Кавказа, характеризующим 2-ю стадию древнейшей исторической жизни края. И упомянутые курганы, равно как и другие связанные с ними археологические комплексы, хранящиеся в Нальчикском и других музеях, были использованы автором как трамплин для перехода к общим вопросам: о датировке, районе распространения этих памятников, о производственной деятельности и даже «общественной идеологии» представленного ими древнего населения.

Вооруженный прекрасным знанием археологической литературы и кавказского материала, достаточно хорошо ориентированный и в смежных дисциплинах (этнографии, истории, лингвистике), Б. Е. Деген дал слишком пространный, но интереснейший этюд о курганах Нальчикского парка (в 2-х из которых ему самому удалось вскрыть всего 10 погребений), сопроводив их описание воспроизведением широкой исторической картины.

В основе же работы лежат древности Кабардино-Пятигорья, которые получают у автора суммарную датировку—II тысячелетие до н. э. Дав подробный обзор инвентаря далеко не всех погребальных комплексов освещаемого района, Б. Е. Деген концентрирует внимание на необычайном обилии в них металла. И нужно признать вместе с ним, что «ни в одном районе СССР мы не находим в погребениях того же времени подобного богатства металлических изделий» (стр. 275).

Казалось бы, что это важнейшее наблюдение давно должно было поставить во весь рост проблему производства металла на Северном Кавказе во II тысячелетии до н. э. Однако, даже в последних специальных работах значение Северного Кавказа как древнего очага металлопроизводства признавалось лишь с колебаниями. Деген впервые заставляет иначе взглянуть на металлургическое производство края.

На основании результатов химических анализов ряда вещей ему удалось блестяще доказать местное литейное производство меди из местных же сернистых руд типа колчеданов, т. е. производство так называемой «черной меди».

Применение микроанализов и макроскопическое обследование изучаемых вещей позволили автору убедительно решить вопрос и о так называемой «серой бронзе»—сплавле меди с мышьяком, железом, сурьмой, серой, никелем, но не с оловом. Таким образом, мобилизация данных точных наук позволила Б. Е. Дегену по-новому осветить производственную деятельность насельников Северного Кавказа на 2-й стадии их развития.

Менее интересны пространные рассуждения автора о технических приемах изготовления металлических вещей. Не со всеми положениями автора здесь можно согласиться. Основные же мысли более убедительно изложены в специальных работах. Во многом автор просто повторяет А. А. Иессена.

Затрагиваемые по разным поводам многочисленные, иногда далекие, темы, несколько отвлекали автора от узловых вопросов работы. Это привело к тому, что работа оказалась слишком растянутой и перегруженной общими рассуждениями, различными деталями и довольно громоздким аппаратом. Особенно этим грешит раздел «Отражения надстроечных представлений» (стр. 283—286).

Вместе с тем нельзя не признать ценности отдельных даже частных замечаний, разбросанных в книге. К ним относится ряд примеров поразительно удачного использования кавказской этнографии для уяснения явлений далекого прошлого (стр. 283 и др.).

Очень интересны и плодотворны мысли автора о генезисе медно-бронзовых булавок с рогообразным и молоткообразным навершиями; но трудно согласиться с ним, что подобные булавки имеют какую-либо генетическую связь с костяными булавками каткомбной культуры; повидимому, это две самостоятельные линии развития. Не случайно в Нальчике костяных булавок нет. Ошибочным теперь является отнесение к 3-й стадии (к кобанской культуре) огромных булавок своеобразного типа с расплюснутым рогообразным навершием (стр. 249). В свете последних раскопочных данных и химического анализа их эти (чаще медные, а не бронзовые) булавки характеризуют не 3-ю, а докобанскую стадию дигорских комплексов. Полевыми же исследованиями Б. А. Куфтина вновь подтверждена их функция как парадных украшений одежды, в чем сомневается автор (стр. 256).

Расширяя круг источников, автор довольно широко использовал и верно датировал еще неопубликованный материал из других музейных собраний, ранее имевший иную дату. Так, например, могильный инвентарь из кургана № 2, исследованный в 1919 г. А. М. Радищевым близ г. Дзауджикау, автор с полным правом передвинул из кобанского окружения в более раннюю обстановку II тысячелетия до н. э.

Вообще следует признать, что вся источниковедческая сторона работы Б. Е. Дегена сделана почти безукоризненно.

Некоторую неудовлетворенность вызывает только недостаточное использование других кавказских комплексов, имеющих прямое отношение к изучаемым автором памятникам. В частности, дигорские памятники, связанные с Закавказьем, дают гораздо больше сходных черт с памятниками рассматриваемого автором района Кабардино-Пятигорья (и в керамике, и в орудиях труда, и в украшениях), чем показано в работе. Они позволили бы автору расширить площадь распространения изучаемых комплексов и точнее хронологически определить выделяющийся круг своеобразных памятников центральной полосы Северного Кавказа. Главным ориентиром для автора являлись памятники Прикубанья, синхронные предгорным, но представляющие другую культурную среду. Это привело автора к переоценке роли земледелия в изучаемом им районе и преуменьшению значения скотоводства. Повидимому, под влиянием известной схемы А. В. Шмидта, основанной на изучении памятников «средне-кобанской культуры», Б. Е. Деген отказался от более четких хронологических формулировок и ограничился только не документированным замечанием, что «подавляющая часть материала, сколько-нибудь поддающаяся датировке, падает на вторую половину II тысячелетия» (стр. 267).

В связи с рассмотрением изменений форм хозяйства автор в основном повторяет заключение А. А. Миллера (15-летней давности) о сравнительно позднем (только в 3-й стадии) освоении местными племенами ксерофитных районов горного Кавказа.

Но обнаружение археологических памятников в высокогорной зоне Северного Кавказа и компактность их размещения по перевальным путям, ведущим в Закавказье, давно уже исправили это устаревшее представление.

Заканчивается работа небольшим разделом, освещающим впускные курганные погребения (всего 2), которые Б. Е. Деген по «вытянутости костяков» и только одному

сосуду относит уже к 3-й стадии. Основанием для этого ему служит сходство зашипов, украшающих плечи сосуда, с подобными же приемами орнаментации на очажной керамике из Кисловодска, которая, по С. Н. Замятину¹, должна датироваться ранней стадией кобанской культуры. Но в том-то и дело, что бронзовый инвентарь из каменных ящиков Кисловодска оказывается типичным не для ранней Кобани, а для поздней: стадии ее развития, и связывать с ним очажную керамику невозможно. Нигде в кобанских комплексах такой керамики мы не знаем; находки же ее в степных районах в окружении более ранних материалов (Грозненская область) позволяют относить ее к докобанской стадии местной истории.

Таким образом, сравнительно поздний характер впускных погребений (№ 2 и 5) кургана № 4 не подлежит сомнению. Это подтверждено стратиграфией кургана. Но вряд ли они были совершены намного позднее основных погребений.

Работа вызывает и ряд частных замечаний:

1) Усложненная нумерация материала (и литерная и цифровая) несколько затрудняет усвоение текста. 2) Нельзя признать удовлетворительным разрез слоев кургана № 4 (рис. 22) в виде столбика. Подобный прием допустим только в геологической литературе. 3) Упорное упоминание никогда не существовавших населенных пунктов Северной Осетии, как «Фаскау», «Рутха», по известным могильникам (стр. 250, 257, 268). 4) Автор следует старой традиции—все неясное связывать с культом и называть «магическим» (стр. 283, 284).

Работа Б. Е. Дегена богато иллюстрирована рисунками и чертежами. Кроме того к ней приложено 20 таблиц, в том числе 2 таблицы на меловой бумаге. Очень интересна карта «Распространение памятников II стадии Кабардино-Пятигорья» (рис. 41 на стр. 268).

Последняя статья—А. В. Мачинского «Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика» является отчетом о раскопках 2 курганов. В ней подробно описывается найденный могильный инвентарь. Автор ограничивается тем, что связывает его с кабардинцами и датирует XIV—XVI вв. н. э.

Все статьи рецензируемого сборника сопровождаются резюме на французском языке. За исключением нескольких неудачных клише, книга хорошо оформлена.

Рецензируемый сборник, вводящий в научный обиход материал первостепенной важности, в значительной степени облегчает задачу изучения древностей не только Северного Кавказа, но всего нашего юга.

В этом его научное значение.

Е. Крупнов

TORNGY SÄVE-SÖDERBERGH, The Navy of the eighteenth Egyptian dynasty, «Uppsala Universitets Arsskrift», № 6, 1946, 94 стр.

Основной задачей рецензируемой книги шведского египтолога является уничтожение пока еще достаточно распространенных в науке сомнений в мореходных способностях египтян. И этой цели она достигает.

Данные, использованные автором в его сравнительно небольшой работе, большей частью уже были отмечены в литературе; но, будучи собраны воедино, систематизированы, а кое в чем и по-иному интерпретированы, они дали возможность иначе осветить весь вопрос в целом. Значение работы увеличивается благодаря тому, что автор помимо данных времени XVIII династии, которому собственно посвящена книга, использовал в ней все сведения, относящиеся к предшествовавшим периодам египетской истории, равно как большинство материалов, известных для всего Нового царства.

Книга распадается на четыре главы: 1) «Плаванье по Нилу и войны в Нильской долине»; 2) «Экспедиции в Пунт»; 3) «Морская активность в восточном Средиземноморье» и 4) «Организация и состав флота».

¹ ИГАИМК, вып. 109, рис. 206, стр. 223.